

18+

О ТРАДИЦИИ О РОССИИ

Сборник рассказов

**Татьяна Пархоменко
Елена Кононенко
Светлана Мезенцева
Татьяна Алексеевна Карпеева
Элин Норд
Евгения Ворожейкина
Надежда Шагаева
Елена Афанасьева
Ольга Ильминская
Иля Белкина
Александра Быстрова
Сергей Балабанов
Ахмад Амиров
Евгения Ушенина
Ирина Галыш
По традиции о России.
Сборник рассказов**

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73552623
ISBN 9785006080980*

Аннотация

Писать о России сегодня особенно важно. Но о какой именно? Коллектив авторов продолжает первый сборник «И все они жили в России» и по традиции пишет о стране и её отдельных уголках. В жизни не бывает всё идеально, поэтому и в наших рассказах нет безупречных историй. Но, так или иначе, они основаны на реальных событиях, и это главное. Читатель найдёт на страницах книги отражение себя, родных, незнакомых, но интересных людей. Ведь читать книги – это тоже добрая традиция. С уважением, Иля Белкина.

Содержание

По традиции о России	8
Бабушкин сундук	9
Эллин Норд	9
Вечный маятник	16
Елена Афанасьева	16
Вот так парочка – баран да ярочка!	25
Евгения Ворожейкина	25
Гордиев узел	30
Ирина Гальш	30
Забегайцы	40
Иля Белкина	40
Конец ознакомительного фрагмента.	44

По традиции о России

Сборник рассказов

Авторы: Амиров Ахмад, Афанасьева Елена, Балабанов Сергей, Белкина Иля, Быстрова Александра, Ворожейкина Евгения, Гальш Ирина, Ильминская Ольга, Карпеева Татьяна, Кононенко Елена, Мезенцева Светлана, Норд Эллин, Пархоменко Татьяна, Ушенина Евгения, Шагаева Надежда

Главный редактор Татьяна Зубрилина

Редактор Виктория Беляева

Редактор Максим Васюнов

Редактор Ольга Ильминская

Редактор Татьяна Карпеева

Редактор Мария Котова

Фотограф Светлана Мезенцева

© Ахмад Амиров, 2026

© Елена Афанасьева, 2026

© Сергей Балабанов, 2026

© Иля Белкина, 2026

© Александра Быстрова, 2026

© Евгения Ворожейкина, 2026

© Ирина Гальш, 2026

- © Ольга Ильминская, 2026
- © Татьяна Карпеева, 2026
- © Елена Кононенко, 2026
- © Светлана Мезенцева, 2026
- © Эллин Норд, 2026
- © Татьяна Пархоменко, 2026
- © Евгения Ушенина, 2026
- © Надежда Шагаева, 2026
- © Светлана Мезенцева, фотографии, 2026

ISBN 978-5-0060-8098-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
По традиции о России

Этот сборник смело можно было бы назвать «Ностальгия по России». По той, ушедшей от нас родине, где всё было понятно, предсказуемо и не страшно. Хотя, иногда и страшно, но как-то всё равно дорого и мило. По прошествии лет, повзрослевшие авторы сборника вглядываются в своё детство, в свои воспоминания – всегда светлые, тёплые и благодарные. Большое видится на расстоянии, а досадные мелочи: неудачи, обиды, ссоры, предательства – забываются. Остаётся добрая память и традиции, которые обязательно нужно передать будущим поколениям!

Анастасия Астафьева

Член Союза Российских писателей

По традиции о России

Писать о России сегодня особенно важно. Но о какой именно России? Коллектив авторов этой книги продолжает первый сборник «И все они жили в России» и по традиции пишет о стране, о своей родине и её отдельных уголках. В жизни не бывает всё идеально, поэтому и в наших рассказах нет безупречных историй. Но, так или иначе, они основаны на реальных событиях, и это главное. Читатель найдёт на страницах книги отражение себя, родных и совершенно незнакомых, но интересных людей. Ведь читать книги – это тоже добрая традиция.

С уважением, организатор сборника Илья Белкина с соавторами.

Бабушкин сундук

Эллин Норд

Соавтор сборников рассказов. Участница текстовых марафонов. Один из организаторов писательского клуба «Четыре рукописи».

В память о бабушке и дедушке.

Я себя помню лет с трёх. Отрывками – и с года. Не вру. Я всегда мало смеялась и, кажется, мало чему радовалась.

Вот как сейчас помню – сижу я в маленькой песочнице чужого двора, на голове три хвостика. Рядом скамейка. В обед на неё всегда выходила посидеть баба Груша. Я находила это имя забавным и представляла грушу в фартуке. Она мне никто, просто соседка по двору в деревне, просто баба Груша, о которой я больше ничего не знала.

Почему три хвостика? Бабай завязал, как смог. Не знаю, почему это отложилось в памяти. Бабай по-татарски значит «дедушка». Я часто проводила время в деревне, в основном с бабаем. Бабай – равно моё детство.

Сейчас как представляю, что я двухлетнего сына отправляю в деревню на всё лето, – сердце сжимается! А тогда это

было нормально. Некая традиция – каждое лето отправлять детей к бабушкам в деревню. Это сейчас все бабушки стали городские.

Слышу голос, что пора домой обедать. Бегу быстро в дом, через узкую асфальтовую дорогу, пока машина не поехала.

Что на обед? Картошка и мясо. Всё просто, но вкусно по-домашнему, по-деревенски. Тёплое молоко и домашний хлеб, хрустящий. Чур, корка, моя!

После обеда мы с бабаем шли в сарай. Он давал мне жестяную банку, в которой звенели и перекатывались гвозди и всякие гайки. Такая радость была ковыряться в них!

Опять голос бабушки. Зовёт на тихий час.

Спать я не любила, особенно с бабушкой: она жуть как храпела. Но я покорно иду.

В нашей комнате стояла большая кровать с перьевыми подушками, которые бабушка выкладывала друг на друга каждое утро.

За ними я любила прятаться. Бабушка снимает белый платок. Надо же, я раньше не замечала, что у неё такие длинные волосы. Она всегда их заплетала в косичку. Я ложусь на кровать, а бабушка в этот раз не торопится спать. Бабушка пошла к сундуку, достаёт из халата ключ и собирается открывать. Соскакиваю и я на пол.

Сундук, как из сказки про сокровища. Зелёный, деревянный и с железными вставками. На крышке вырезан красивый

орнамент. И к моему удивлению, он всегда был заперт на амбарный замок. В сундуке лежали бабушкины «сокровища».

– Ба-а, а что там? – каждый раз спрашивала я у бабушки, но не получала ответа.

– Анда¹ минем сокровища, – отвечала она с сильным акцентом и улыбалась. Татарские и русские слова она всегда соединяла, получалось месиво языка, которое я с рождения как-то понимала.

Бабушка открыла сундук, но никаких сокровищ и драгоценностей я там не увидела. Зря только вспомнила про пиратов. В бабушкином сундуке хранились платки, белая простынь, мыло с запахом ландышей, который навсегда врежется мне в память.

Помню день, когда я высматривала: а что там ещё интересное есть? Но бабушка успела захлопнуть тяжёлую крышку.

С мыслями о тайнах сундука, о сокровищах я вновь залезла на нашу кровать и, неожиданно для себя, тогда уснула.

На выходные приехала тётя. Моя любимая тётя. Стою и смотрю, как она расчесывает волосы, чёрные и кудрявые.

– Поедешь со мной в город?

Ещё спрашивает? Конечно. До города надо было ехать в душном большом автобусе. Меня часто укачивало, и бабушка мне давала с собой сладкий чёрный чай в стеклянной банке. Заботливая моя.

Наши путешествия с тётёй я помню отрывками, но знаю, что их было много. Она часто меня брала с собой то на работу, то к врачу, то просто по делам.

Я её называла всегда по имени. Без всяких «тётя»:

– Галь, а что у бабушки в сундуке? – спросила я однажды.

– Подрастёшь – узнаешь.

Мои воспоминания всегда были, как отрывки из фильма, иногда вспышки.

Вот сейчас я сижу за столом, с кубиками. Бабай учит меня татарским словам и татарскому счёту. Берёт кубик, на нём нарисован нож, и сразу произносит – «Пычак». Татарский язык я всё же потом выучила, но редко на нём говорю.

Я, словно собака, понимаю хорошо, но сказать не могу ни слова.

В следующей вспышке памяти мы с бабаем едем на тататайке в лесополосу за вениками. Сажает и тащит меня. По пути рассказывает истории. Пытаюсь выяснить:

– Бабай, а что у бабушки в сундуке?

– Бельмим² кызым³. Анда чёрт ногу сломит, – отвечает бабай.

Люблю эти воспоминания.

Когда бабай ещё работал на заводе, я его встречала после

работы на улице. Из кармана пиджака дед всегда доставал гостинец: конфету или пирожок – со словами: «Это от Степашки». Только лет в двадцать, работая на заводе, я поняла, что эти пирожки бабай покупал мне в заводской столовой.

Не помню, откуда появилась у меня книжка «Иссумбоси». Я её так любила, что мечтала о маленьком волшебном молоточке. Позже у меня появился деревянный молоточек. Только он оказался не волшебным вовсе.

В деревне я любила просыпаться под запах жареного. В этот раз что-то, похожее на оладушки. Только бабушка их называла по-другому.

– Тор⁴, – громко зовёт меня пить чай. Бабушка не любила, когда мы долго спали, даже в каникулы.

После завтрака я выходила на улицу – проверить, что делает бабай. Опять в сарае что-то мастерит. Улыбается мне. Интересно, куда мы в этот раз с ним пойдём?

На этот раз мы поедем с ним на велосипеде.

– Бабай, а ты умеешь кататься на велосипеде? – робко спрашиваю я.

– Нет, – отвечает. Шутит. Забегаю в дом сказать об этом бабушке. Тишина. Аккуратно открываю скрипучую дверь в комнату. Ба сидит рядом с сундуком и перебирает камушки на нитке, бусинка за бусинкой, тихо произносит молитву.

– Мы с бабаем в лес, – весело кричу.

Не отвечает, лишь продолжает шептать молитву. Я закрываю дверь.

Мы выросли, но я часто вспоминаю наш дом в деревне, окрашенный в зелёный цвет.

В день смерти бабая я поняла, что за «приданое» хранила бабушка и для чего был нужен большой отрез белой ткани, полотенца и мыло, маленькие мешочки с монетами.

В тот день в деревню мы приехали быстро. В кармане моей школьной формы лежали маленькие валентинки, которые я собиралась дарить только на следующий день, четырнадцатого февраля, но не подарила. В доме было много людей: все суетились, бегали, и никто не улыбался.

Мне не разрешили на тебя посмотреть, они хотели, чтобы ты навсегда остался у меня в памяти живым. Тогда я не поняла почему. А повзрослев, поняла.

Бабай, я выросла и всё поняла. А через несколько лет «приданое» бабушки пригодилось и ей самой.

Помню, люблю и благодарю.

Ваша Элюк.

Примечания автора – перевод с татарского.

¹Анда – там.

²Бельмим – не знаю.

³КЫЗЫМ – дочка.

⁴Тор – вставай.

Вечный маятник

Елена Афанасьева

Участница пяти сборников рассказов. Один из организаторов писательского клуба «Четыре рукописи», идейный вдохновитель марафонов для начинающих авторов. Путешественница в поисках новых дорог и историй.

«Мы русские. Мы дети Волги.

*Для нас значения полны
её медлительные волны,
тяжёлые, как валуны...»*

Е. Евтушенко

Мелкой рябью в водах Волги плясали кудрявые верхушки Жигулёвских гор. Отражаясь в бликах речной глади, медленно гасла вечерняя заря и уносила за собой прожитый летний день. По заведённому порядку мироздания солнце ненадолго вспыхнуло, а после растворилось в лесах бескрайних Жигулей. Наступала молчаливая ночь.

Дед Макар всматривался в пейзажи, знакомые с детства. Он стоял на берегу речки с причудливым названием Кунья Воложка, а между ним и далёкими горами пролегли озёра,

реки, острова. Темнота делала их границей между небом и землёй, словно кружевом, разделяющим два мира. Всё смолкло в тот час, лишь редкий всплеск воды да мягкая волна нарушали тишину.

Сапоги Макара затягивал мокрый ил, но дед не шевелился, только изредка поднимал руку, лениво отгоняя зудящую мошкарку. Позади за спиной раскинулся город. Тот, что вырастил мальчонку, которого сегодня зовут дедом; тот, где вспыхнули красные флаги революции, когда Макар вступил в совершеннолетие. Отсюда уходили на фронт соседи в Гражданскую войну, и здесь проливались слёзы поволжского голода. Город Ставрополь-на-Волге Самарской губернии – родина Макара, которую он покинул только раз в сорок первом. Пять лет его терзала Великая Отечественная, но по возвращении ждала единственная дочь Капитолина. За раскинувшимся лесом нашли последний покой его родители, жена и двое сыновей. Два других сгнули в окопах Сталинграда. Сколько бы ни пережил дед Макар за свой век, он остался верен городу, водам бескрайней Волги и родному дому.

Сегодня в Ставрополь никто не возвращался. Его покидали семьями, оставляя за собой край разрушенных домов и вымерших улиц. Город оставляли старожилы и ребятня, безусая молодёжь и девки на выданье. Вынужденно, нехотя они нагружали обозы и отправлялись за другой жизнью в новые места.

Внезапный перелом в жизни тихого города случился три года назад, когда на берега Волги приехали инженеры и строительные бригады. Целые комиссии мерили, сверяли, записывали, а вскоре сообщили новость, перевернувшую всё:

– Товарищи, вы становитесь свидетелями технического прогресса. Не побоюсь этого слова, прорыва в инженерной мысли страны! Сегодня положено начало великой стройки. А это значит, что мы воздвигнем тут мощный гидроузел во благо будущих поколений и комфортных условий быта, живущих ныне! Гидроэлектростанция сулит вашему краю рост экономики, появление рабочих мест и развитие промышленности. Начинается новый этап, и это происходит на наших глазах! Мы построим ГЭС! – в ту минуту аплодисменты прервали торжественные голоса, и все с жаром бросились обсуждать грядущие перемены.

Но радость ставропольчан, ещё не понимающих, чем обернётся подобное к ним внимание, продолжалась недолго. Вскоре те же рабочие комиссии, но уже не столь пылко, опять огорошили известием: русло реки изменят, а Волга разольётся огромным водохранилищем. Поэтому большая вода, так необходимая для технического процесса, накроет всё, что окажется на её пути. Исчезнут острова, Кунья Воложка и даже сам Ставрополь.

Дед Макар вздрогнул. Он знал, что через несколько дней былая жизнь уйдёт под воду, город не станет препятствием на пути шагающего по планете прогресса. Никакой инженер-

ный гений не придумает ничего другого, как просто-напросто всё затопить. Улицы накроет бурная река, похоронит их на дне и обнимет то, что не успели перевезти или снести.

– Пора, – буркнул Макар, бросив взгляд на далёкие горы. Едва слышные всполохи человеческого голоса напоминали, что здесь до сих пор живут люди – та малая часть жителей, которая отдала себя на волю случая в надежде на лучший исход. Оглядываясь вокруг, понимали: изменения неизбежны. Дед Макар был одним из тех, кто знал: откладывать дальше некуда.

Последние месяцы народ занимался сбором вещей, целых хозяйств, даже домов. Заново город по решению комиссии строили выше уровня реки, за лесом, поэтому жители разбирали деревянные избы и перевозили в безопасное место. Покинутые безмолвные здания нещадно взрывали, улицы наполнялись суетой, криками и хлопками динамита.

Макар медленно побрёл по пустым улицам. Он с тоской бросил взгляд на старый фундамент и несколько ступеней, уходящих в пустоту, – единственное, что осталось от Троицкого собора. Воспоминания горькой змеёй заползли в душу.

– Здесь вода на девять метров всего-то поднимется, колокольня сверху окажется. И на что это похоже? Река, а посередине крест? За это нам спасибо не скажут, – заявляли те самые из комиссии. – Что ж теперь, что восемнадцатый век. Разобрать никак невозможно, стены больно несокрушимые. Только взрывать, никак иначе! Колоколов давно нет, а крест,

однако, на месте. Про судоходство надо думать, про будущее.

Переступая через разбросанные повсюду кирпичи, Макар, наконец, достиг своего дома и дёрнул калитку. Та протяжно скрипнула, и он, улыбнувшись, прислушался к звуку. Потом закрыл, открыл ещё раз. В ночной тишине привычный слуху скрип повторился и глухо отозвался в дедовом сердце. На секунду всё стихло, и неожиданно издали доносилось глухое бормотание. Макар наклонил голову, прислушался и подошёл к остаткам соседского забора. Там, в зарослях смородины, он узнал старого друга Игната Прокопьевича. Крепкий, но худой, словно высохший на волжском солнце, тот лихо работал лопатой и так усердно копал землю, что пот застилал глаза. Пятёрнёй провёл по мокрому лбу, осторожно положил в ямку аккуратный свёрток и принялся за дело в обратном порядке. Когда закончил, откинул лопату и для надёжности попрыгал на потревоженной рыхлой земле.

– Ты чего творишь тут, ирод? – рассмеялся Макар, вдруг развеселившись соседским танцам, – ты ж переехал давно. Не согнать никак с насиженного?

– Кто бы говорил! Сам будто и не собираешься, – дружелюбно крикнул Игнат Прокопьевич.

Старики притихли, крепко обнялись. Дружные с юных лет, оба тяжело переживали непростое время, но понимали, что ничего не попишешь. Игнат Прокопьевич среди первых перевёз всё нажитое, отправил семью. Сам же частенько на-

ведывался обратно: якобы уговаривать оставшихся. Ему выделили хороший участок при переезде, и он, как рупор, вещал о прелести нового города, хотя его искренности мало кто верил.

Игнат Прокопьевич лукаво подмигнул:

– Я тут баночку прикопал. Монеты старые, да цацки от матери.

– На кой ляд? – изумился Макар и хрипло захихикал, – считай, просто так выбросил. Кому потом цацки твои нужны? Рыбам разве что?

– Э-э-э, голова твоя седая, всё шутишь? Кто знает, как там у них сложится, может худо всё обернётся. А я вот вещички оставил, авось и вернусь потом.

– Бессмыслица какая-то, Игнат Прокопьевич, – недоверчиво пожал плечами Макар.

На что сосед только развёл руками: «Во что нам теперь верить? Только в это и остаётся». Потом нахмурился, посмотрел на друга серьёзно:

– Ты это, сам когда в путь двинешься? Опасливо тут уже.

– Дак кого мне бояться? Закрытыми глазами по кочкам пройду, – начал было Макар, но тут же сник, – завтра, Игнатушка, завтра. Уж почти собрано всё. Изба только осталась. С ней, знаешь ли, посложнее будет.

Поджав губы, Макар почесал затылок, и друзья тихо рассмеялись. Он хотел было уйти, как из ночной темноты с ежедневным обходом показалась бригада рабочих. На учёте сто-

ял каждый житель, которому следовало покинуть Ставрополь, а к тем, кто не хотел по-хорошему, наведывались лично. Вот и дед Макар не стал исключением. Оттягивая свой переезд, он настроил против себя всю комиссию и лично молодого, горящего идеей бригадира, который теперь являлся каждый вечер.

– Нарисовались, окаянные, – кулаками Игнат Прокопьевич подпёр бока и насупился.

– И вам не хворать, – приподнял кепку бригадир, – а я вижу, вы тут веселитесь, Макар Сафроныч. Хотя давно пора бы...

– Знаю, знаю, – перебил Макар, стреляя искрами из-под седых бровей, – всё одно и то же талдычите. Илюш, отстань Христа ради! Последний день спокойно прожить дай, а?

Илья деловито закашлял, постучал носком сапога. Пауза затягивалась, а Игнат Прокофьевич тем временем исподтишка рассматривал рыжего веснушчатого бригадира. Тот острым глазом сверкнул в его сторону, но вдруг благодушно смягчился:

– Да, поймите, я тоже человек подневольный. Отстану от вас я, придёт другой. Чего добиваетесь? Не с вами же топить, ну? Мы все вершим великое дело. Вы и вы, Игнат Прокофьевич, становитесь свидетелями величайшего творения рук человека – гидроэлектростанции. Всё, однако, во благо.

– Вон оно как! Благо значит? – побагровел Макар. – Я тебе, Илюша, растолкую: люди без места остаются, без памя-

ти своей. Здесь их родня. Их же не потащат за собой, хоть вы и дали великодушное добро. Исчезнут ведь они, запертые под водой. Вы приехали из столиц с чертежами, с планами. Размахиваете тут. Дескать, будущее вершите. Настройтесь, наиграетесь, вернётесь в свои квартиры и продолжите жить. Премии небось получите. Может и медали. Везде почёт вам будет. Так? Так! А мы? – он развёл руками, показал натруженные ладони, – ни один из вас, хвалёных инженеров, глазом не моргнёт, не вспомнит о нас. Бабы будут лить слёзы до конца дней, молодняк начнёт всё сызнова. Хотя... Кому я рассказываю! – плюнул под ноги бригадира Макар и хлопнул по сухой груди. – Крест даю, завтра уезжаю! А сегодня баня у меня.

Илья заморгал, беспомощно взглянул на Игната Прокопьевича:

– Какая баня?

– По-чёрному, – услышал он ответ. – А то! Как есть пойду. Традиция такая – по субботам в баню ходить. Забуду вас всех на час-другой, да и дочка с ейным мужем ждут. Во времена только беспокойные традиция моя прерывалась, но я теперь понимаю – спокойных мне не сыскать. На роду, видать, написано: Макар Сафронович – вечный маятник. Поэтому оставьте до завтра свои разговоры. Пошёл я.

Он резко развернулся и вскоре скрылся во мраке. Снова чуть слышно скрипнула калитка. Дед Макар прошёл вглубь двора, отворил двери старой бани и глубоко вдохнул запах

прокопчёного дерева и душистой травы. Всю жизнь вечер субботы проходил одинаково, вся семья это знала и готовилась чуть ли не весь день. Что бы ни было, прольётся вода и смоев невзгоды.

Он тронул не раз омытые брёвна, прислушался к звонкой тишине внутри. На душе вдруг стало спокойно, хоть и знал: его баня останется здесь. Через время чёрное небо прорезал дымок. Сначала тоненькой струйкой он улетал ввысь, потом вверх потянулся столб сизого дыма. Заклубилось бывшее во-круг дедовой бани, уносились на мгновение тревоги и горечь расставания. Сегодня дед Макар был ещё дома.

При создании Куйбышевского водохранилища в зону затопления попали 293 населённых пункта. Перенос Ставрополя-на-Волге осуществлялся в 1953—1956 годы согласно плану застройки. Вскоре город был переименован в Тольятти.

Вот так парочка – баран да ярочка!

Евгения Ворожейкина

Писательница, копирайтер. Соавтор 14 сборников рассказов и стихов. Издала свой сборник рассказов «Цветные стекла» в 2021 году. Победительница литературного конкурса от издательства «Аквилегия-М» в 2022 году. Рассказ вошёл в сборник «Кто я? Зачем я?»

– Тётъ Зин, а молодые ещё не приехали?

Запыхавшаяся соседка Наташка вбежала в дом. Зинаида Ивановна, не прекращая резать колбасу, ответила:

– Как видишь. Спят, наверное.

Наташка хихикнула и спросила:

– Наряды приготовили?

– А что готовить? Вон шаболов¹ сколько. Открывай сундук, и вперёд. Там ещё с нашей свадьбы осталась одежа.

Сын Зинаиды Ивановны Лёня сочетался законным браком с девушкой Леной. Свадьбу справляли как положено. В пятницу по традиции – постель, перенос приданого невесты в дом жениха: кровать, перина, простыни, подушки, оде-

яла, накидки. Конечно, сватья недоумевали, но Зинаида настояла на своём. Ленины родные по-быстрому накопили постельного белья, полотенец и приехали в гости. Даже рубашку Лёне принесли в подарок. Жених тоже передал украшение для своей невесты. В этом событии она не участвовала – не по правилам. А вот друзья и родные песни пели, за столом сидели. Даже, как потом выяснилось, Лёнин школьный портрет «украли», чтобы подарить его молодым на поклон. Узнав об этом, Зинаида Ивановна довольно улыбнулась. Значит, не всё ещё потеряно с обычаями в семье невесты.

Вчера – первый день свадьбы и выкуп. Лёне пришлось и в играх поучаствовать, и деньгами подружек невесты одарить. Они не замолкали ни на минуту и кричали: «У моей сестрички по рублю косички». Лена, конечно, не противоречила, но видно было, что не понимает всех обычаев. Не то чтобы невестка не нравилась будущей свекрови, но...

Когда Лёня впервые привел Лену в гости, Зинаида подумала: «Это ненадолго». Худенькая, маленькая девушка едва доставала сыну до плеча. Двухметровый Лёня – гордость и радость матери. Отслужив на флоте три года, он устроился на завод. Лена была из интеллигентной семьи. Отец работал врачом, мать – учительницей. Сама Зинаида двадцать лет простояла за прилавком, знала всю изнанку продаж и несколько этого не стеснялась.

Молодые познакомились случайно. Лёня спас Лену от хулиганов. Девушка возвращалась после концерта в музыкаль-

ном училище, несла ноты и скрипку. По дороге к ней подошли трое парней и преградили путь. Лёня в тот день задержался на смене и не успел на служебный автобус. Решил идти пешком, на одном из поворотов во двор увидел испуганные глаза Лены. Вмешался так, что даже женился.

Зинаида сморщила лоб:

«Закуски нарезаны, вино в погребке, мясо в духовке. Кажется, ничего не забыла», – она сняла с головы косынку и позвала мужа. Ответа не последовало.

– Эх, где тебя черти носят?!

Иван Матвеевич в это время философствовал на тему «счастье». Рядом собрались гости и друзья. Кто-то уже был навеселе, кто-то только ждал угощения.

– Иван!

Зинаида широкими шагами подошла к мужу.

– Помощь нужна. Надо столы ставить, скамейки носить. Долго тебя ждать?

– Вот и счастье моё.

Иван лукаво улыбнулся и пошел вслед за женой. Тридцать лет вместе, а будто один день. «Пусть и Лёньке повезет. Счастливым жить веселее», – подумал Иван Матвеевич.

Через час стол был полностью готов. Иван, сияя белой рубашкой, стоял посреди комнаты. Зинаида надевала бусы. За окном послышался шорох шин, хлопки дверей, радостные возгласы.

– Молодые! – В один голос воскликнули свекровь и свёкр

и быстро вышли во двор. Лёня, щурясь на солнце, обнимал молодую жену за плечи. Лена улыбалась. Зинаида Ивановна порывисто подошла к ним. Шумно вдохнула воздух и внутренне расслабилась:

– Детки, пора готовиться. Скоро Ленины родичи приедут. Ярку искать.

Лена подняла глаза на мужа.

– Мам, может без этих всех штук? – Лёня неуверенно посмотрел на мать. – Просто посидим, отметим.

– Что ты! – всплеснула она руками. – Устои нельзя нарушать. Второй день свадьбы по традиции – ярка. Молодая же пропала. Поэтому сейчас мы тебя, деточка, прятать будем. А твои родственники искать. Так надо. Зинаида Ивановна взяла Лену за руку и повела в дом. Там стоял хохот и шум. Ряженые друзья жениха всю веселились над образами. Тут и милиционер с молоточком, и медсестра со шприцем, и цыганка с картами. И ещё одна невеста в кирзовых сапогах.

– Кирилл, ты что ли? – спросила Зинаида человека в фате.

– Я, тёть Зин, – пробасил из-под тюля первый и загадочный друг Лёни.

– Ой, а это кажется моя икебана? Была, – Зинаида Ивановна посмотрела на цыганку. У неё из-под платка торчали искусственные розы.

Та засмеялась:

– Зин, зато красиво. Как настоящая Рада.

– Жеребца б тебе ещё, – Зинаида Ивановна махнула рукой

под смех своих гостей. Лена с интересом смотрела на всех.

– А давайте невесту в бабушку нарядим? Коляску ей дадим и на лавочку посадим у соседнего дома.

– Нет, лучше в саду спрячем, – со всех сторон слышались предложения.

– Так-так, сад не трогать. Истопчут мне там всё, – сказала Зинаида Ивановна.

– Тогда ковёр.

– Что ковёр?

– Завернём невесту в ковёр. Лена, потерпишь?

Невеста растерянно кивнула, не совсем понимая, что от неё хотят.

Через полчаса Лена стояла в углу комнаты, завернутая в венгерский ковёр. Его в 90-х Зинаида Ивановна привезла из челночных поездок. Был дефицит, сейчас – раритет. С улицы доносились частушки и звуки баяна. Звенел бубен цыганки и голоса родных, требовавших шуточный выкуп.

В носу щекотало. «Чистая шерсть», – вспомнила Лена слова свекрови и улыбнулась. Впереди её ждала долгая счастливая жизнь с любимым человеком.

¹Шабóл – вещь, тряпка. Шабóлы – много вещей.

Гордиев узел

Ирина Гальш

Практикующий гештальт-психолог. Автор изданных романа, повести, сборника малой прозы. Есть публикации в литературном журнале «Три желания». Участница писательских марафонов, награждена медалью И. А. Бунина.

Три года для писателя то же, что для ребёнка: характер – стиль сформирован.

Вместо предисловия.

В тексте священной книги искреннее слово – это «животворная влага, что изливается из уст от сердца к сердцу». Это мощный поток энергии – силы жизни, способный растопить лёд, погасить огонь, сокрушить камень, утолить духовную жажду. Откровенность очищает от смертельного яда лжи, а люди становятся чистыми сообщающимися сосудами.

Светлый коридор областной онкологии сердечно отпускал домой пациентку. На вопрос, нужна ли ей коляска и сопровождение, ответила:

– Спасибо, я сама потихонечку.

Стараясь выпрямить спину и не шаркать тапками, её душа спешила к выходу. Навстречу поджидающей внучке. Справа и слева в распахнутых дверях палат улыбались сёстры:

«Танечка. Наш живчик. Прощай!»

– Это у них традиция такая, – дорогой объяснила Ладе бабуля – при выписке говорить «прощай».

Ляля недоумённо хмыкнула.

Танюша с братом-близнецом родились, когда их папа сидел в тюрьме за кражу колхозного зерна – две пригоршни в карманах. Маме исполнилось чуть больше семнадцати. Что делать с двумя новорождёнными, она не знала. Сына оставила, а девочку отдала тётке...

Колхозный техник давно посматривал на чужую молоденькую жинку. Завербовался на комсомольскую стройку по путёвке, прихватив с собой зазнобу, пусть и с приплодом.

Так Таня утратила важную черту своего имени – уверенность. Жизнь начала с мытарства. Замотанная на работе тётка отдала вскоре малютку дальним родственникам в большую семью. Там голод, холод и равнодушие договорились извести младенца. Превратили в покрытый паршой полускелет и добрались до лёгких. Так бы и сгинула малышка среди подобных ей тысяч жертв Великой войны, если бы к тем родственникам не заглянул за надобностью старик Василий Каменев. Этот мужик в тридцатых пережил страшную смерть

трёх дочерей и молча забрал себе Танюшку.

Жена его Клава заплакала и запричитала, взглянув на дитя:

– Ой-ёй! Зачем принёс? Не жилица она.

– Будет жить! – сказал, как отрубил, хозяин.

Танечка три года провела на полатях русской печи. Добрые люди её удочерили и выходили с помощью коровы Милки, которую прятали в лесу от оккупантов. Девочку натирали маслом и бараньим салом, кормили молоком... Она выжила и в три года пошла. Чтобы с четырёх приглядывать за хозяйством, с пяти пасти коз и ту же Милку. Крутить зерно в крупорушке для птиц. Дальше – на поля: картошка, бахча, жатва... С раннего утра до позднего вечера.

Но Таня жила, росла и тихо любила родителей. Пока однажды порог хаты не переступила молодая и красивая, по-городскому богато одетая тётенька. Девочка простодушно рассказывала о папе с мамой и себе родной своей матери. Какой-то доброхот позже шепнул об этом на ушко.

В семью пришёл разлад. Таня по малолетству заявила, что она Белоног, а не какая-то там Каменева. Мама Клава рвала и метала. Потрясённые страшной смертью родных детей, эти люди не были способны простить женщину, бросившую ребёнка на погибель... Не прочитав, сожгли письмо от братишки и запретили дочке упоминать незваную гостью.

Тяжкая работа в колхозе за «палочки» и паспорт под ключом в сельсовете – весь маленький Танюшкин мирок восстал

против её глупого самоуправства.

С годами она признала, что синица в руках намного лучше журавля в небе. И жизнь разложила перед смирившейся традиционные карты. На лесопилке, где работала тачковщицей¹, девушка встретила будущего мужа. Коленька воплощал запертое на семь замков пламя её души. Был подвижным, как ртуть, ловким, как кошка, красноречивым, как соловей... Когда позвал, не раздумывая, вышла замуж.

Николая Хрящева взрастила кубанская казачья вольница. Под его кудрявым чубом много бродило ярких фантазий про то, как обязательно прославится. А пока суд да дело юноша много читал и работал шофёром на той же лесопилке. К слову сказать, в мечтах его будущая известность и крепкое гнездо были непременно связаны со страстью к автомобилям.

Тихоня Каменева волновала нашего победителя, как прошлогодний снег. Маленькая брюнетка на крепких ножках, с красными грубыми руками стояла в очереди за его благосклонностью. Их свели честолюбие и нелепый случай, расписавшие всю дальнейшую судьбу пары.

Как водится, неуёмное желание человека рождает такое же сильное сопротивление среды. Однажды Николай повредил глаз. Внешне увечье заметно не было, но зрение он частично потерял. Получив первое предупреждение, молодой человек вспомнил свойство снега, не оставляя следа, таять на солнце. Танюха, сияя карими глазами, безмолвно таяла поблизости.

Свадебная линейка привезла молодых в саманную хату под шелковицей на берегу речки Синюхи. К тем же трудовым будням. Но теперь, сидя по вечерам у раскрытого окна, супруги прихлёбывали взвар из абрикосов с гранклётом² и тихо радовались. Под молодыми крепло личное хозяйство, за спиной посапывали сын и дочь. Пар из кружек разоблачал призрачную яркость далёких звёзд.

Жизнь вошла в привычное русло. Изредка встречались с родителями. На старый Новый год да в Пасху хуторские собирались в соседских дворах и хатах за столами. Беседовали. Хвалились прибытком. Замалчивали неприятное.

Слушали, как ловко выводит высокие ноты распевных кубанских баллад мама Клава, как от баса Василия трескается ламповое стекло в керосинках. Тайком вытирали непрошеные слёзы умиления, не чая, что этим голосам место было уготовано на клиросе...

К несчастью, сердечность Николая и Татьяны носила соответственно одежды тщеславия и выстраданной покорности лозы. Подстёгнутый ею муж снял семью с насиженного места и рванул за длинным рублём, когда с севера первопроходцы-родственники позвали в край изобилия.

Пока пара жила на Кубани, никого не волновала профпригодность Хрящёва. Водит себе тягач и водит. А на новом месте пришлось выкручиваться, чтобы удержаться за баранкой и сохранить северные надбавки. Всякий раз на медкомиссии мужчина незаметно прикрывал незрячий глаз. По-

ка всё обходилось, обучался другим профессиям и отдыхал только за книжкой. Всё как у добрых людей. Но сколько верёвочка ни вейся...

Когда Колю поймали на лжи, мир Хрящёвых рухнул. Да, муж перебивался временным заработком там-сям, но страдал от унижения и несбывшейся мечты. В Колину жизнь вначале просочилась водка. Заливала глаза, тешила самолюбие, баюкала. Однажды привела с собой карты.

Пьяный Коленька превращался в дикого зверя. Бешеный взгляд метался в поиске виноватого. «Ну конечно, во всём виновата эта хитрая тихоня. Только бить Танюху – всё равно что тесто: оно поднимается и просит побить ещё», – со злостью думал про жену.

Сын нюхом чуял скандал и вовремя сбегал из дома.

Оставалась Галина.

Дочь входила в возраст, когда начинают отстаивать право на личную жизнь, и занозой царапала пропащую душу. В девять лет, защищая мать, повисла на готовом к удару кулаке с зажатым ножом. Тогда отравленный мозг замкнул патологическую микросхему: «Эта засранка всё делает наперекор. Упрямая как осёл... Думает, у неё всё получится. Нет!!! Раз у меня не получилось, ни у кого не получится. Я, мать твою, научу вас уму-разуму».

Водка разжигала рану до помутнения рассудка. Отец избивал Галку тем, что попадётся под руку, до судорог и неотложки. Трезвый просил прощения и был обычным отцом.

Никто в округе, кроме фельдшерниц скорой, не догадывался, что выпало на долю этой красотке. Сверстницы завидовали кудрявой шевелюре до пояса, зелёным глазам на смуглом лице и длинным модельным ногам. Получившие решительный отпор удивлённые сверстники отваливали. Их приятельница выбрала роль жертвенного агнца, хранившего в секрете родительский грех.

А мама в тёмные дни терпеливо ждала на кухне, когда в супружеской спальне раздастся храп, когда придет скорая... когда однажды Коля всех их не проиграет в карты...

У Тани, в отличие от дочки, в рукаве была припрятана отдушина. Женщина усердно трудилась. Её уважали и ценили в коллективе. Доверяли погрузочный кран и личные тайны. Так Татьяна вырुливала из капкана созависимости.

Муж ещё пожил среди вымышленных героев в автопарке на кухонном столе. Рядом с бутылкой и мутным стаканом. Но сердце не выдержало.

Похоронили по традиции – с честью. Пришли родственники, соседи, представитель профсоюза. Прозвучали слова благодарности и обещания помнить...

Будто кривые осины на берегу ручья, две женские фигуры у гроба прижались друг к дружке. Одна в позе жалости и сиротства, вторая – в полном недоумении...

Отец не смог сломать крутой казачий характер дочери. Всегда недовольная, критикующая мама, не ведая, ослабила замки входной двери.

Галя отселилась. По любви вышла замуж, родила Ладугу. Дома дочку звали Лялей: как водится первый ребёнок – последняя кукла. Заинтересовалась практической психологией и позже окончила вуз. Из всех сил стремилась вырваться из порочного круга. Но на доске качелей, напротив, к ней тянулись длинные, цепкие лапы ПТС³ и деспотичное, пристальное внимание мамы, желающей только добра своим несмышлёнышам. Теперь Татьяна несла полную ответственность и старалась за двоих. Дочь цепенела.

Когда её душа пылала, а уста сковывал лёд, она лишалась сознания. Редкий мужчина выдержит постоянное напряжение трезво. Супруги расстались. Настоящая любовь разбилась вдребезги и где-то под спудом тихо зализывала рану.

Теперь если доброе сердце подсказывало «помоги», Галя бежала навстречу – не туда и не к тем. В противоположную от себя сторону, ломая кости. У неё обнаружили ранний остеопороз. Терпела физическую боль, месяцы неподвижности, годы восстановления, присутствие в своей жизни подоплёки любви от случайных людей, приступы паники.

Порой истина безудержным потоком слёз прорывала бетонную плотину самообмана. Однажды через паутину голых берёзовых веток прорвалась в мартовское бездонное небо криком ярости человека, который отважился признать свою самость. Прорвалась мужеством оставаться благодарной и счастливой несмотря ни на что – ради самой жизни.

Не ведая о том, Лада, сидя в своей современной квартире, за которую вкальвала на двух работах, оплакивала расставание с парнем. А как же! Позади трудности, впереди – тревожащая неизвестность. Разве кто поймёт.

Ей было двенадцать, когда мама упала с велосипеда и получила ЧМТ⁴. Они тогда словно поменялись местами. Дочка осталась за старшую. Лада помнила, как с энтузиазмом взвалила на себя взрослую жизнь. Играла то рыцаря, то мужика в юбке.

Нежная красавица, дитя истинной любви, девушка превзошла своих родственниц в показательной решительности. Оставаясь в душе маленькой девочкой, потерявшейся в лесу глухонемых. С прижатой к губам плюшевой белкой.

«А теперь вот и бабушке требуется моя помощь».

– Бабуля, – Лада оторвала взгляд от трассы и посмотрела на Таню. – Мы с мамой приготовили тебе одеялко, можешь перебраться на заднее сиденье и прилечь.

– Нет! Ещё что удумали. Мне нужно сидеть.

Маленькая женщина упрямо поджала тонкую линию губ.

– Сейчас, сейчас! Бегу уже! – Ляля, загремев ключами, отпёрла дверь.

На секунду лицо исказило разочарование, но минуту спу-

стя, озарилось улыбкой. Мама стояла без костылей:

– Я сняла для нас номер в отеле на выходные! Ты не против покататься на лыжах, доченька?

– Да ты что! Два дня в Хибинах! А-а! С инструктором?!.. Но ты только на ватрушке. Ха-ха-ха! Люблю тебя, мамочка!

Девушка бережно обняла мать. Улыбаясь, слизывала солёные капли счастья.

¹Тачковщик – рабочий, обмеряющий брёвна.

²Гранклёт (ренклод) – сорт сливы.

³ПТС – посттравматический синдром.

⁴ЧМТ – черепно-мозговая травма.

Забегайцы

Иля Белкина

Дипломированный копирайтер, участница сборников рассказов и писательских марафонов, сценарист и режиссёр короткометражного документального фильма «Жизнь полная чаша».

Основано на реальных историях.

По традиции за несколько часов до Всенощного бдения перед большим Праздником люди забегают в храм поставить свечку на счастье. Также было и в тот день. Дежурные по храму не успевали убирать песок, nanoшенный обувью.

– Вот прав наш новый батюшка Евгений, когда назвал их забегайцами. Придут, натопчут, свечку поставят, сами не зная кому, пробурчат что-то себе под нос и убегут до Пасхи, – махала веником баба Маша. Она сама провозгласила себя старшей по уборке, и никто не смог оспорить эту должность. Хотя бы потому, что желающих оспаривать не было.

– Почему до Пасхи? Впереди Рождество Христово и Крещение. Ещё прибегут, поставят наудачу свечки, святую воду от сглаза возьмут, – высокомерно сказал молодой алтарь-

ник, спуская с колокольни коробки для свечей. Он третий год не мог поступить в семинарию и не упускал случая блеснуть своими знаниями, когда его спрашивали и не спрашивали. Второе случалось чаще.

– Столько суеверий. И никто не хочет дальше них идти, – тихо сказала вышедшая раньше времени на пенсию дежурная Ирина. Она не договорила: вошла группа старшеклассников. Молодёжь громко разговаривала, и баба Маша на них прикрикнула. Школьники притихли. Несколько девичьих голосов хихикнули:

– Ну что я вам говорила? Сейчас начнётся: шапочки снять, платочки надеть. А пока не началось, пойдёмте к иконе святого Сергия. Ему перед экзаменами молятся, – сказала самая старшая на вид девочка и повела всех к иконе Свяителя Николая.

Баба Маша, алтарник и Ирина на несколько секунд замерли при виде их шествия. Конечно, с шествием ангелов-младшеклассников на Рождество Христово это не сравнить. Но своя доля торжественности в нём тоже была. Главная ученица открыла электронный молитвослов на планшете и зачитала молитву преподобному Сергию Радонежскому: «Днесь пресветло красуется царствующий град Москва...» Её друзья склонили головы и внимательно слушали молитву. На это время в храме повисла тишина, которую нарушал лишь приглушённый девичий голос. После молитвы молодёжь ушла так же быстро и громко, как и пришла.

– Вот словно у себя дома, – недоумённо прокомментировала поведение молодых людей Ирина. – Но разве дома они наводят такую же грязь? – уже в пустоту задала она вопрос. У неё было четверо детей, и идеальный порядок.

Ирина погрузилась в свои мысли, алтарник и баба Маша молча сортировали свечи. Большие отдельно от маленьких. На несколько минут в храме возникла та самая тишина, о которой писали святые отцы. От мыслей дежурных оторвал грохот дверью и топот сапог по только что выбитому коврику.

– Нельзя было на улице сбить снег? – баба Маша была двадцать лет на пенсии, но так и не уволила себя с должности заместителя начальника отдела какой-то там промышленности. Никого она не обделила своим вниманием. Хотя отец настоятель много раз просил её это не делать.

На пожилую женщину смотрели стеклянные глаза. Мужчина шатался. В этом состоянии он находился не один день.

– Батюшка, – держась за стену, еле прошептал он. – Хочу говорить с батюшкой.

– На службе будут батюшки, – командным голосом продолжала баба Маша. – Ишь, какой барин нашёлся. Пришёл в обед, и священника ему подавай.

– Воды, – сменил тему мужчина и снял с себя куртку. На шее и запястьях видны свежие раны. Ирина подала ему стакан воды.

– Ты только святую воду на него не трать. А то до молебна

не хватит, – не унималась баба Маша.

– Спасибо, – мужчина посмотрел на Ирину. Его стеклянные глаза начинали оживать. Они блуждали по храму, словно ища за что можно зацепиться. – А с батюшкой можно поговорить?

В его голосе звучала надежда ребёнка, который верит в новогоднее чудо и ждёт его.

И только баба Маша хотела высказать всё, что думает про этого забегайца, как её перебил настоятель:

– Нужно, – умиротворённо сказал настоятель храма отец Вонифатий.

Баба Маша сделала вид, что её здесь нет. А батюшка Вонифатий беседовал с забегайцем почти до вечерней службы. В семнадцать часов начиналось Всенощное бдение накануне престольного праздника преподобного Ильи Муромца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.